

Альфред
АДЛЕР

классики психологии

**Очерки
по индивидуальной
психологии**

Классики психологии

Альфред Адлер

**Очерки по индивидуальной
психологии**

«Когито-Центр»

Адлер А.

Очерки по индивидуальной психологии / А. Адлер — «Когито-Центр», — (Классики психологии)

Альфред Адлер – знаменитый австрийский психолог и педагог, основоположник одного из наиболее известных направлений глубинной психологии. Автор излагает основные положения своего детища – теории индивидуальной психологии. С позиций собственных представлений о движущих силах развития человека – стремлении к власти и чувстве общности – он рассматривает механизмы формирования невротической психики, в том числе связанные с ошибками воспитания, а также главные цели и методы терапевтической работы. Книга адресована психологам, педагогам, студентам психологических вузов и всем, интересующимся проблемами психологии.

Содержание

Индивидуальная психология	6
Индивидуальная психология. Ее роль в лечении нервозности, в воспитании и мировоззрении	12
Индивидуальная психология как путь к познанию людей и к самопознанию	17
Спасение человечества с помощью психологии	29
Чувство неполноценности и чувство общности	30
Группа и индивид	31
Лидерские качества	32
Применения	33
Успехи индивидуальной психологии	34
I	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Альфред Адлер

Очерки по индивидуальной психологии

Alfred

ADLER

Psychotherapie und Erziehung

© «Когито-Центр». Перевод на русский язык, оформление, 2002

*Любое использование материалов данной книги полностью или частично
без разрешения правообладателя запрещается*

Индивидуальная психология

Под таким названием ныне получила широкое распространение основанная автором настоящей статьи наука о познании человека. Этим она обязана в первую очередь своей пригодности при работе с трудновоспитуемыми, запущенными детьми и при лечении нервных людей. Но также все больше признаются ее ценность для профилактики этих отклонений в душевном развитии, ее воспитательное значение, и, пожалуй, сегодня нет уже ни одного направления в исследовании психики, которое не соглашалось бы с нею в важнейших пунктах. Несмотря на критику, которой вначале подверглась эта теория со стороны недостаточно ориентированных оппонентов, до сих пор не было надобности в каких-либо существенных изменениях ее научных основ.

Свою первую задачу она видела в более правильном освещении проблемы души и тела. В своих исследованиях она исходила из данных биологии и медицинской патологии и констатировала (*Adler, Studie über Minderwertigkeit von Organen. Wien 1907, Verlag Urban u. Schwarzenberg*), что ребенок на собственном опыте узнает свойства и возможности своего организма и в условиях длительного переживания *чувства неполноценности* стремится обрести чувство полноценности, цельности, превосходства над природой и социальными отношениями. К этому *стремлению к власти*, усилившемуся соответственно ощущению своей недостаточности и внешним трудностям, присоединяются задающие направление тенденции, которые пытаются развить все присущие индивиду силы и возможности в соответствии с некой смутно осознаваемой им целью достижения совершенства. Все, что мы обнаруживаем позднее в виде душевных процессов, движений, форм выражения и т. д., способностей и «дарований», происходит из этой *индивидуально* осуществляемой тренировки, из творческой энергии индивида, которая в своих поисках и заблуждениях устремлена к фиктивной конечной цели, к своему финалу. Поэтому у нас есть полное право называть нашу науку индивидуальной психологией.

Однако творческие стремления ребенка также осуществляются в индивидуально данном внешнем мире, создающем индивидуальные препятствия. Поэтому, как только ребенок начинает свое восхождение к конечной цели, соответствующей Я ребенка, обретенному им уже в первые два года жизни, все душевные феномены представляют собой *ответные установки*, зависящие от степени напряжения, которое ребенок испытывает в определенной ситуации. Следовательно, важнее всего не абсолютная значимость его органов и их функций, а их относительная ценность, их связь с окружением. Поскольку и она воспринимается ребенком индивидуально, то в качестве основ душевной структуры ребенка мы должны принимать в расчет не абсолютные значения, а впечатления ребенка, которые из-за огромного множества влияний и заблуждений нельзя объяснить каузально; их можно понять, лишь прочувствовав и постигнув *индивидуальный стиль жизни*.

При этом безусловно необходим подход, вскрывающий конечные цели человека. Не говоря уже о том, что мы вообще не можем рассматривать человека иначе, как единое существо, то есть как целесообразно и планомерно действующее целое, жизнь человека и все его действия предполагают постановку постоянной и единой цели. Постановка цели, необходимая для жизни и каждого самого незначительного движения, обуславливает единство личности и ее индивидуальную форму, жизненный стиль. Телеология душевной жизни человека основывается, таким образом, на имманентных закономерностях, но в своих особенностях является творением индивида.

Если бы нам была известна цель человека, которая в вышеуказанной форме – преодоления трудностей – предстает перед нами слишком расплывчатой, то мы могли бы понять и объяснить то, что хотят нам сказать душевные феномены, почему они возникли, что человек создал из своего наследственного материала и почему он сделал так, а не иначе, каковы должны

быть черты его характера, его аффекты, чувства, его логика, его мораль, его эстетические чувства, чтобы он смог достичь своей цели. Мы могли бы также понять, почему и как далеко он отклоняется от того, что для нас является нормой, если бы мы сумели, например, установить, что его цель слишком удалена от нашей цели или вообще от абсолютной логики *совместной жизни* людей. Ведь мы можем узнать знакомого композитора по неизвестной нам мелодии, а по форме завитка архитектурного украшения – определенный архитектурный стиль, всякий раз благодаря взаимосвязи части с целым. Сделать вывод о жизненном пути человека в такой художественно завершенной форме удастся очень редко. Убогая типология ничего нам не говорит об индивидуальных ошибках. Если бы мы могли из завитков и мелодий человеческой жизни сделать вывод об индивидуально постигнутой цели человека, а затем выяснить весь его жизненный стиль, то тогда мы могли бы почти с математической точностью создать почти такую же надежную классификацию, как в естественных науках, и мы могли бы на деле доказать ценность индивидуально-психологического исследования, могли бы сказать, *как поведет себя человек в определенной ситуации*.

В неустанной работе индивидуально-психологической школе, похоже, удастся решать эту задачу (см. Adler, *Über den nervösen Charakter; Praxis und Theorie; Handbuch der Individualpsychologie; Heilen und Bilden*). Система, которой мы сегодня располагаем, чтобы установить конечную цель и жизненный стиль человека, будь то ребенок или взрослый, трудновоспитуемый или невротик, построена на эмпирически полученных фактах, которые могли быть доступны каждому, но которые благодаря нашему телеологическому подходу и рассмотрению во взаимосвязи мы все же сумели представить точнее, сопоставить и систематизировать. Мы научились в любом душевном движении видеть одновременно прошлое, настоящее, будущее и конечную цель, а также ситуацию человека в раннем детском возрасте, когда зарождалась его личность.

Течение жизни, в том числе и в ее психических проявлениях, представляет собой движение, направленное к финалу. Если в этом воззрении мы видим больше чем метафору, если мы принимаем это утверждение всерьез, то из него следует вывод о том, что под давлением конечной цели каждое отдельное душевное движение упорядочивается в единую линию поведения и подготавливает каждое следующее за ним действие. Глубочайшим смыслом всего поведения является, однако, достижение целостности. Вследствие этого любой шаг на жизненном пути представляет собой одновременно планомерное осуществление стремления к дополнению, *компенсация* же имеет задачу возместить минус, «снизу» попасть «наверх».

Таким образом, это компенсаторное движение, глубочайший смысл человеческой жизни, представляет собой творческую силу. Она создала культуру как средство сохранения человеческого рода, и точно так же она создает все формы выражения *я жизненный стиль* индивида как ответ на давление внешнего мира, как *средства безопасности* и как неустанные попытки установить баланс во взаимодействии между человеком, землей и обществом. Следовательно, конечной целью всех душевных стремлений является достижение уравновешенности, безопасности, приспособления, целостности.

Установление такого согласования или рассогласования происходит, разумеется, не по научным, математическим принципам, а на основе индивидуального впечатления, которое опять-таки целиком и полностью зависит от индивидуально конкретизировавшейся конечной цели совершенства. В зависимости от того, в чем индивид, приспособляясь к реальности, видит свою конечную цель, в какой роли он видит себя (в своих детских фантазиях или при выборе профессии) – в роли кучера, лошади, генерала, врача, оказывающего помощь, или спасителя человечества, – так он и будет относиться к своей позиции. За всеми этими реально понятыми, «конкретизированными» конечными целями стоит все то же творческое стремление индивида достичь компенсации, приспособиться к реальной жизни и, прежде всего, его мужество и доверие к себе. Все это обуславливает также его поведение, его позицию, его

поступки, или, говоря традиционным языком психологии, его характер, его темперамент, его аффекты, его чувства и волю, узость и широту его логики, направленность его внимания и его действий. В качестве последней, решающей инстанции в этой системе отношений мы можем предположить *чувство собственной ценности* или *чувство личности*, большая или меньшая степень удовлетворения которого определяет действия индивида в отношении своих индивидуально понимаемых жизненных задач.

Во всей этой системе отношений нет величин, которые можно было бы рассчитать математически. В последующей жизни индивида значение имеют не данности его телесного или психического материала, не наследственные способности, а только их использование в рамках приобретенного в первые три года жизненного стиля. Так, например, «акустическая способность», если считать ее способностью, может остаться совершенно неразвитой из-за чрезмерного или недостаточного присмотра за ребенком.

Или же ее можно пробудить, точнее сказать, создать благодаря правильному обучению и надлежащему обращению. Биограф Карла Великого рассказывает, что, несмотря на все старания, тот так и не смог научиться чтению и письму из-за отсутствия прирожденных способностей. С тех пор как мы используем различные методы обучения, например метод Песталоцци, мы уже не придаем большого значения таким способностям. И если мы принимаем в расчет индивидуально-психологическую позицию и учитываем предшествующее обучение индивида, непрерывную мужественную борьбу с трудностями и раннее начало соответствующей тренировки, то вместо безмолвного поклонения гениальным достижениям мы приходим к постепенному пониманию их возникновения.

Точно так же мы должны отвергнуть причинное значение ситуации, среды или переживаний ребенка. Их значение и действительность проявляются, так сказать, только в *промежуточном психическом обмене веществ*. Они ассимилируются ранее приобретенным жизненным стилем ребенка. Потому и случается так, что в очень нравственной семье вырастает вредитель, а в семье тунеядцев – полезный член общества. Никогда одно и то же событие не переживается двумя разными людьми одинаково, и человек извлекает уроки из опыта лишь настолько, насколько это позволяет ему его жизненный стиль. Разумеется, делать абсолютно правильный вывод и ему следовать человек не может. И маловероятно, чтобы существовала причинность в огромном царстве заблуждений. Поэтому, а также из-за неимоверного многообразия конкурирующих поводов стремление осуществить в душевной жизни каузальный подход вряд ли есть нечто большее чем благое желание.

Таким образом, всю жизнь и все отдельные формы ее выражения пронизывает та единая линия действия, которая лежит в основе индивидуальности. И, следовательно, любое душевное явление всегда означает нечто большее, чем находит в нем здравый смысл. Только во взаимосвязи со всей системой отношений можно узнать, означает ли ложь хвастовство или увертку, является ли пожертвование выражением сострадания или мании величия, а соболезнавание – выражением чувства общности или высокомерия. Одни и те же звуки у Листа и Рихарда Вагнера говорят о разном. Все формы душевных проявлений определяются стремлением к превосхождению. Но все они несут в себе индивидуальные нюансы этого стремления и имеют разную степень *чувства общности*, которое связывает этого индивида с другими.

Последнее, данное человеку от рождения, требует постоянного развития начиная с самого раннего детства. Не развиваясь, индивид сталкивается с трудностями в своем приспособлении к человеческому обществу. Не дань общественным условиям заставляет нас делать этот вывод, как полагают некоторые недалёковидные люди, и не наше личное желание или убеждение, что лучшие дни человечества наступят лишь с развитием чувства общности. Мы отнюдь не можем похвалиться оригинальностью этого утверждения. Все религиозные, правовые, государственные, социальные институты всегда представляли собой, по сути, попытку сделать совместную жизнь людей легче и лучше, предписать индивидам формы жизни, кото-

рые, похоже, обеспечивают сохранение человеческого рода. К этому же стремится и индивидуальная психология, разве что она больше других указывает на препятствия, стоящие на пути распространения чувства общности, и ищет лучшие методы.

В жизни нет иных истинных ценностей, кроме тех, что обусловлены чувством общности. Пожалуй, можно назвать лишь единственное ценное достижение, которое имеет иное происхождение, но все равно является ценным с точки зрения общества. Речь идет об обусловленном слабостью чувстве неполноценности ребенка, которое усиливается и растет, когда он осознает или смутно ощущает свою недостаточную ценность для общества.

Каждому теперь становится ясно, что любое усиление стремления к личной власти наносит ущерб развитию чувства общности. Подобный недостаток, однако, существенно влияет на душевное развитие, на жизненный стиль ребенка, ибо с чувством общности тесно связаны важнейшие психические функции. Речь, разум, мораль, эстетические чувства для своего формирования и развития требуют связи с ближним. Умение обходиться с людьми и разбираться в людях являются необходимыми предварительными условиями преуспевания в обществе. Этим нельзя овладеть теоретически. И так как настоящее счастье неразрывно связано с чувством того, что человек что-то *дает* другим, то становится ясно, что *социальный человек* будет счастливее обособленного человека, стремящегося к превосходству. Индивидуальная психология особое внимание обращала на то, что все несчастные, дурно воспитанные и невротичные люди вырастают из тех детей, которым не было суждено развить свое чувство общности, а вместе с ним также *мужество*, оптимизм, веру в себя, имеющие своим непосредственным источником чувство принадлежности к обществу.

Это чувство, которое никто не вправе оспаривать, в отношении которого нет ни одного контраргумента, может быть приобретено только в совместной игре, в совместной работе, в совместной жизни, благодаря тому, что человек становится полезным для других, и это порождает устойчивое, реальное чувство собственной ценности. Степень принадлежности к обществу определяется решением трех жизненно важных вопросов: в отношениях между Я и Ты, в продуктивной деятельности и в любви. В том, как индивид приступает к решению этих вопросов, какую дистанцию он занимает по отношению к ним, как он уклоняется от их решения, – во всем этом отчетливо проявляется стиль человека, особенно тогда, когда он стоит перед необходимостью немедленного решения. Можно легко увидеть, что тот, кто надежно укоренен в обществе, то есть подготовленный человек, сохраняет здесь свое мужество и решает проблему с пользой для другого. Иначе обстоит дело с другим типом людей, которым человечество и все его проблемы кажутся чужими и далекими. Слишком много занимаясь собой и своей личной властью, но все же будучи зависимым от мнения других, которые, как ему кажется, желают ему зла и чаще всего воспринимаются врагами, не веря в свою победу и с еще большим страхом ожидая поражения, такой человек вдруг обнаруживает, что его непомерное честолюбие бесцеремонно встает перед ним и преграждает путь вперед, из-за чего он не может избежать поражения. Поэтому для нас нет ничего удивительного в том, что среди огромного числа таких людей можно обнаружить всех тех, кто испытывает растущее чувство неполноценности. Ибо ничто так не мешает развитию чувства общности, как сильное чувство неполноценности.

К настоящему времени индивидуальная психология решила большую часть задачи по вскрытию тех ошибок и заблуждений, которые в период формирования жизненного стиля становятся причиной чрезмерного чувства неполноценности. Неправильный старт, с которого начинают жизнь определенные дети, может быть исправлен позднее лишь благодаря глубокому осознанию человеком его последствий. К этому многие нервные, беспризорные или трудно-воспитуемые дети редко бывают готовы. Здесь должен быть применен индивидуально-психологический метод с его особой техникой, которая, по существу, заключается в *неограниченном поощрении*. Это в первую очередь означает, что должны быть отброшены все *предвзятости относительно врожденных способностей*. Нам представляется, что все большие челове-

ские достижения являются результатом правильного обучения, упорства и соответствующих упражнений с раннего возраста. В отношении этих трех факторов недопустимы никакие контрдоводы. А все возражения против них разоблачаются лишь как трусливые отговорки трусливого чувства неполноценности, как попытки уклониться от определения собственной ценности. Или же они оказываются попытками пробраться на сторону бесполезного и создать видимость хоть какой-нибудь собственной значимости, как, например, в случае беспризорников и преступников. Нервные симптомы и заблуждения трудновоспитуемых детей представляют собой средства обеспечения безопасности, сдерживания и блокировки, необходимые им для того, чтобы избежать разоблачения своей неполноценности. В ходе наших исследований мы установили, насколько ценным для всей жизни может оказаться преодоление первоначальных трудностей. Из этого был сделан кажущийся парадоксальным вывод о том, что большие успехи достигаются, как правило, в результате мужественного преодоления трудностей, не благодаря исходному «таланту», а при недостатке «таланта».

Индивидуальная психология разрешила также проблему выявления наиболее значительных затруднений, которые в первые три года жизни усиливают чувство неполноценности и тем самым порождают проблематичный стиль жизни, постоянно дающий повод к отклонениям от нормы. Тем самым был открыт путь профилактики в воспитании, предотвращения неврозов, психозов и педагогической запущенности. Именно этому наша наука обязана своим признанием у педагогов. Она также доказала свою пригодность в качестве единственного научного метода познания человека, который позволяет по отдельным завиткам почерка, воспоминаниям, снам, фантазиям, сознательным и бессознательным побуждениям сделать вывод о жизненном стиле индивида и массы. Она провозглашает равноценность ребенка, старика, женщины и находит причину их низкой оценки в некоторых устранимых недостатках нашей культуры и нашего разума.

Основные причины возникновения более сильного чувства неполноценности мы можем отнести к троякого рода ситуациям в развитии маленького ребенка. Их значительный вред заключается, собственно, в том, что в период обретения ребенком своего Я, особенно с конца первого года жизни, они слишком сильно дают ему почувствовать себя слабым перед требованиями внешнего мира. Из этой ситуации ребенок выходит с сохраняющейся всю жизнь перспективой, постоянно искажающей его восприятие мира. Его компенсационные попытки перерождаются. Ощущение небезопасности постоянно сопровождает его во всех его действиях. Все более выраженными становятся только такие черты характера, которые соответствуют его усилившемуся стремлению к превосходству или позволяют идти хитроумными окольными путями. Отчетливо проявляются эгоистические черты, склонность к изоляции. Приступы пессимизма, боязнь новых ситуаций, тенденция к избеганию проявляются на всех линиях. Неудачи легко обескураживают таких детей и часто ведут к прекращению начатых дел. Контакт с другими людьми всегда недостаточен. Большинство из них очень чувствительны к похвале, порицание же нередко полностью выбивает их из колеи.

К первой большой категории таких детей мы относим тех, кто появился на свет с *неполноценными органами* и воспринимает свой дефект как жизненную трудность. Наступающее позднее улучшение состояния не меняет их пессимистического отношения к вопросам жизни, поскольку к тому времени они уже обрели свой жизненный стиль и в соответствии с ним истолковывают и ассимилируют все свои переживания и опыт. Преодоление собственных недостатков, в частности дефектов органов чувств, нередко приводит этих людей к овладению более тонкими техническими приемами, которые позволяют им заниматься искусством. Обладание же пригодным инструментом не делает необходимым и не дает повода к тому, чтобы развивать художественные способности. История знает немало число музыкантов с плохим слухом, художников и поэтов с плохим зрением. Такую же врожденную неполноценность представляет

собой леворукость. Понятно, что окончательный результат этой борьбы за самоутверждение зависит от разнообразных факторов, среди которых важнейшую роль играет поощрение.

Вторую, пожалуй, самую большую из всех категорию составляют *изнеженные дети*. Они живут симбиотически, и уже по этой причине у них может не возникнуть чувства собственной ценности (Вайнманн). В определенный период жизни, когда такому существованию приходит конец, они чувствуют себя изгнанниками из рая. Священную *функцию матери* – быть абсолютно надежным человеком, позволить им почувствовать себя людьми, живущими рядом с другими, – выполняет для них только мать (или человек, играющий сходную роль). Поэтому в последующей жизни им всегда не хватает этой первоначальной теплоты, и они никогда не могут найти взаимопонимания с другими.

Такие переживания никогда не возникали у детей, принадлежащих к третьей категории, – *у детей, воспитывавшихся без любви*. Они повсюду видели только врагов и занимают соответствующую позицию: словно находятся в стране врага. Варианты и градации многочисленны. В иных случаях вред могут наносить также чрезмерные ожидания, неблагоприятная позиция в ряду братьев и сестер, неверие в свои способности и т. д.

Подробное обсуждение методов лечения здесь в наши задачи не входит. Его можно найти в нижеприведенных сочинениях автора¹. В качестве наиболее важного выделим: воспитание смелости и самостоятельности, терпение, избегание какого бы то ни было принуждения посредством бессмысленного использования авторитета, избегание всякого унижения насмешками, оскорблением и наказанием. Самое главное: *ни один ребенок не должен потерять веру в свое будущее!*

В воспитании детей, относящихся ко всем этим трем категориям, нужно пройти один и тот же путь: сначала расположить детей к себе, чтобы затем ввести их в общество. Другими словами, нужно наверстать то, что было упущено.

¹ *Über den nervösen Charakter* (3. Aufl. 1922); *Praxis und Theorie der Individualpsychologie* (2. Aufl. 1924); *Studie über Minderwertigkeit von Organen* (2. Aufl. 1927); *Heilen und Bilden* (2. Aufl. 1922); *Internationale Zeitschrift für Individualpsychologie. Jahrgänge 1–4*; *Handbuch der Individualpsychologie. München (Bergmann) 1926*. – Все постраничные примечания, кроме особо оговоренных, приведены по немецкому изданию книги.

Индивидуальная психология. Ее роль в лечении нервозности, в воспитании и мировоззрении

Огромный прогресс в области медицины позволяет нам легко забыть, что бесчисленное множество детей появляются на свет со слабыми, неполноценными органами и не соответствуют требованиям жизни. Причинами почти всегда являются патология зародыша вследствие алкоголизма, сифилиса и еще чаще наследование неполноценных органов. Некоторые из этих детей рано или поздно погибают. Но большинству удается выжить благодаря заботливому уходу, искусству врачей или собственной жизнестойкости. Многие всю жизнь имеют физические недостатки, другие благодаря интенсивному развитию достигают равновесия или вследствие *сверхкомпенсации* превосходят функциональные способности обычного человека. Эти процессы подробно мною описаны².

Мною тогда уже было показано, что и органический подъем, и решение жизненных задач часто требуют преодоления серьезных трудностей и что преобладающее настроение в таких случаях характеризуется стойким и глубоким *чувством неполноценности*, значительно более выраженным, чем это соответствует неуверенности в себе обычного ребенка. Из этого чувства собственной слабости возникает также пессимистическая перспектива, сопровождающаяся сомнениями и ощущением небезопасности, тенденциозная апперцепция, которая из чувства неуверенности направляет к дающим ощущение спокойствия и безопасности целям.

Все функции детской психики, в частности внимание, память, все влечения, мир чувств и все ценности, теряют свою беспристрастность и начинают служить обеспечивающей безопасностью конечной цели, которая, разумеется, должна помочь ребенку достичь той или иной формы превосходства. Таким образом, *телеология* в душевной жизни проявляется еще более отчетливо.

Сюда относятся все врожденные нарушения органов чувств, близорукость, астигматизм, дефекты слуха, органов дыхания, пищеварительного тракта, органов выделения, желез внутренней секреции, головного и спинного мозга. Все эти нарушения, а также очень часто встречающаяся леворукость, в той или иной мере затрудняют решение ребенком своих жизненных проблем. Они принуждают ребенка к *усиленным упражнениям*, которые планомерно формируют своего рода прочную *пристройку* к психическим функциям. Дети, имеющие дефекты зрения и слуха, будут все более остро подмечать доступные им нюансы и иногда творчески их использовать или они вскоре снова ретируются и малодушно откажутся от какого бы то ни было развития своих умений. Отношение к этим первым трудностям может оказаться решающим для всего отношения к жизни.

Затруднения передвижения, как, например, при тяжелом рахите, будут вызывать *повышенный интерес* к процессам движения, трудности в питании будут служить причиной целевой установки, при которой обеспечение пищей всегда будет выглядеть гарантированным. Неловкость леворуких детей в нашей праворукой культуре вынуждает к усиленным упражнениям, которые могут удаваться или не удаваться.

В этой тренировке отчетливо проявляются интересы, изобретательность, степень активности, самооценка ребенка, его цели, мужество и уверенность в себе либо трусость и нерешительность. В этой первой борьбе ребенка за самоутверждение уже проявляется сила или слабость его стремления преодолеть трудности. На его позицию значительное влияние оказывают воспитание и самая ранняя *подготовка*.

² Studie über Minderwertigkeit der Organe. Wien/Berlin (Verlag Urban und Schwarzenberg) 1907.

В этих случаях развитие всей личности настолько испытывает на себе давление *конечной цели*, что даже сны и грезы будут отражать линию развития, так сказать, мелодию индивида. А среди черт характера мы, разумеется, будем обнаруживать те, что соответствуют предполагаемой ситуации угрозы и продиктованы чувством обделенности. В частности, из стремления к преодолению будут происходить *честолюбие, высокомерие, тщеславие и гиперчувствительность, а также чрезмерная осторожность*, которые присущи людям, чувствующим себя словно в стране врага. Как правило, очень заметными становятся воинствующее отношение к другим, *раздражительность, нетерпимость, эгоцентрическое поведение*. Если пропадает вера в себя, в то, что удастся взять верх над другими и решить жизненные вопросы, это порождает явное *малодушие, страх, бесплодную зависть и небесплодную неудовлетворенность*. Таким людям всегда нужны *предлоги и отговорки* – последние попытки удержать на высоком уровне свою личность. Однако легко вывести их мрачную тайну, которую они пытаются скрыть, но которая отчетливо проявляется в их поведении: как *будто они не представляют собой никакой ценности*. Ибо каждое решение, каждое испытание в жизни наполняет их дрожью и страхом, и чаще всего им удается создать *смягчающие обстоятельства* или прекратить любую начатую работу. Свое алиби и свое оправдание они ищут и постоянно находят в ссылках на всякого рода слабости, на наследственность, на воспитание, на какие-либо проблемы, которые чаще всего они сами и создают, или же они *вчувствуются в болезненные ситуации* и таким образом вызывают физические симптомы. Их слабые от рождения органы и частые заболевания как раз и позволили им понять сущность и значение болезни, а первоначальные упражнения в направлении цели достижения превосходства вскоре уступают место упражнениям, направленным на *уклонение от жизненно важных вопросов*. Вся их жизнь и болезнь приобретают форму малодушия.

Чувство неполноценности *не* всегда основывается на неполноценности органов. Такая же ситуация небезопасности возникает и у детей, на которых взваливают слишком тяжелое бремя, например, у детей, растущих в нищете или попадающих из благоприятной ситуации в неблагоприятную. Великий исследователь Бине показал, что способности детей школьного возраста обнаруживают определенный параллелизм с весом тела, в чем мы видим важное подтверждение наших данных. Точно так же накапливаются трудности, если дети лишены всякой любви и тепла. Это не дает проявиться их *чувству общности, а способность к контактам, доверие к людям* остаются у них неразвитыми. Им также будет нелегко избавиться от чувства отчужденности по отношению к людям, они всегда разочарованы и всегда считают себя обделенными и обманутыми. Тяжелый вред наносят ребенку также тогда, когда на него возлагают *слишком большие ожидания*. Тем самым питают лишь страх не оправдать эти ожидания. В таких душах легко может зародиться склонность, облаченная Шекспиром в слова: «Что ж, если вы того хотите, злодеем стану я!» Или они точно так же впадают в малодушие и находят убежище в *неврозе*.

Третий, широко распространенный тип, появление которого объясняется неблагоприятными условиями детства, встречается среди *изнеженных детей*. Они никогда не испытывали трудностей, не упражняли свои способности и поэтому отступают перед каждым препятствием. Они проводят всю свою жизнь в *ожидании, что другие все за них сделают*. Распаленное честолюбие и недостаточная выносливость также характерны для них, и в конце концов под самыми разными предлогами они также оказываются *позади фронта жизни*, в стороне от требований времени.

Из современных исследователей только Жане понял глубокое значение чувства неполноценности во многих случаях. Никто так не подчеркивал важность мужества, активности в жизни, как Бергсон. Заслуга и значение индивидуальной психологии состоят в том, что она определила человеческое *чувство общности* как врожденное базисное настроение, которое можно обнаружить во всех психических проявлениях. Далее, в качестве второго базисного

настроения она выявила общераспространенное *чувство неполноценности*, из которого проистекает постоянное *стремление к власти и признанию*. Это душевное движение тоже проявляется во всех формах выражения у человека, так что мы можем объяснять психическое явление только в том случае, если был установлен компонент обоих течений. Тем самым, по нашему мнению, мы также внесли свой вклад в прояснение расплывчатого термина *бессознательное*, выделив и обозначив непонятный компонент в базисных настроениях у человека. Как глубоко простираются эти настроения, можно показать на примере *самых ранних детских воспоминаний*. 30-летний мужчина, страдающий явлениями страха, возникающими, как только он решается на какой-то поступок, вспоминает, как в трехлетнем возрасте он сидел у окна и смотрел на улицу. Из этих двух форм переживания можно реконструировать принцип жизни и цель этого человека: *быть зрителем, а не актером*. И только теперь начинает проясняться воспоминание детства, оно начинает говорить и звучать. Оно говорит нам, что этот индивид, будучи, очевидно, изнеженным и слабым, пережил в детстве ситуацию, в которой пассивность представлялась ему верным образом жизни, в которой он привык также рассчитывать не на себя, а исключительно на других, ощущать таким способом свое превосходство и пренебрегать потребностями других. Здесь невозможно говорить о «вытеснении», речь идет исключительно о заблуждении, *непонимании*, которые присущи подавляющему большинству людей. Однако знатоку людей уже в первом акте человеческой жизни удивительным образом нередко виден финал, заключительный пятый акт.

Продemonстрируем на примере двух тяжелых случаев невроза пригодность индивидуально-психологического метода для прояснения психических состояний.

Первый случай: 30-летний мужчина страдает склонностью получать садистское удовлетворение при виде телесного наказания детей³. Общественная проблема не решена. У него нет друзей, он никогда не появляется в обществе, не интересуется людьми. Профессиональный вопрос не решен. Он не работает и живет на прибыль от прежних спекуляций на бирже. Основная проблема жизни, эротическая, если не принимать в расчет упомянутый выше способ, также не решена.

Самое раннее воспоминание детства: Молох, которому приносили в жертву детей. Отец добрый и уступчивый, мать справедливая, нравственная и строгая, но очень критичная и честолюбивая. Пациент еще ребенком, выполняя любую работу, боялся придираков матери. В школе он был робок и замкнут; одноклассники насмеялись над ним из-за дефекта речи, а также из-за его фамилии и оттопыренных ушей (признак дегенерации). Пациент во всем ведет себя как человек, потерявший веру в себя, однако для своего поведения всегда находит другие, совершенно нелогичные причины.

В раннем детстве – признаки неполноценности кишечника, мочевого пузыря и половых органов (ранняя половая зрелость, состояния возбуждения, вызванные страхом). Полагает, что вследствие надлома в детстве путь наверх для него закрыт. Его стремление к самоутверждению ищет *путь наименьшего сопротивления*, уклонения от всех человеческих общественных задач, дискредитации любых успехов. *Никто не должен быть лучше, счастливее его!* С этим неприязненным чувством он мучает и истязает детей, ощущает в их страхе свой прежний детский страх, выливающийся в сексуальном возбуждении.

³ Данный случай подробно описан на с. 41–45 этой книги.

Второй случай: 30-летняя девушка. Жалуется на страх открытых пространств, страх любви и брака. Всегда характеризовалась матерью как безобразная. Очень рано узнала о том, что мать надеялась родить сына. Росла в условиях *неуважения женской роли*. Умственное развитие превосходное. Поддалась лести и соблазнам первого мужчины, который затем плохо с ней обращался. С тех пор стала считать любые ухаживания проявлением мужского коварства. Настолько проникнута чувством своей бесполезности, что всегда боится разоблачения своей малоценности и чувствует себя в безопасности только в четырех стенах. Дома всячески тиранит своих родственников.

Все картины болезни при неврозах и психозах являются формами выражения малодушия. Любое улучшение самочувствия происходит только в том случае, если удастся укрепить мужество больных. Каждый врач и каждая неврологическая школа эффективны в той мере, в какой они способны ободрить пациентов. Иногда это удается и дилетанту. Сознательно же этот метод используется только в индивидуальной психологии.

Только медицинская наука разграничивает эти диссоциальные неудачи как формы болезни. Она делает это, поскольку своеобразные средства защиты и «тормозные устройства» имеют очевидные аналогии с болезнями. С позиции индивидуальной психологии поведение нервного человека предстает перед нами как **жизненный план и непригодный образ жизни** человека, не считающего себя способным справиться с обычными проблемами и поэтому выбирающего другой жизненный стиль.

Такие отклонения со всей отчетливостью можно увидеть уже в раннем детском возрасте, дома и в школе. Собственно говоря, все *ошибки воспитания* всегда следует понимать как последствия искусственно возвращенного чувства неполноценности. Неправильно воспитанные дети проявляют мятежность в активной форме, как-то: *надменность, озлобленность, бесцеремонность, запущенность* – либо черты пассивного сопротивления – *лень, лживость, безразличие*. Но они всегда выдают своим поведением, что боязливо отказываются от решения своих задач. То, чего они больше всего боятся, – это *позорное пятно своей неспособности*. И поэтому для них лучше, чтобы их наказывали или ругали за лень, чем считали неполноценными. Перевоспитать их удастся только при условии поощрения. Это требует устранения разнообразных ошибок в основных воззрениях на жизнь. Часто можно встретить следующие *заблуждения*: якобы никогда нельзя достичь значимости отца или матери; якобы отсутствует мужественность; якобы кто-то другой всегда должен оказывать помощь; якобы никогда нельзя понаравиться другому; якобы нужно было в раннем возрасте умереть; якобы все люди – враги; якобы добиться своего всегда можно лишь хитростью; якобы имеется возникший по собственной вине или вине другого, созданный воспитанием дефект; якобы имеются признаки вырождения; якобы достигать всего надо без особого труда; якобы всегда и сразу нужно демонстрировать блестящие достижения и т. д. У девочек чаще всего встречается навеянное нашей мужской по своей сути культурой заблуждение: якобы женский пол ни на что не годен, не имеет ценности, является лишь объектом для мужчины, задача женщины только одна – быть красивой и молодой, и т. д. Эти, как видно, навязываемые заблуждения сдерживают всякий прогресс, делают детей малодушными, заставляют расценивать любую, часто неизбежную неудачу как подтверждение своего фаталистического, пессимистического мировоззрения. О страшном трагизме такой ситуации можно судить по тому, что, как установлено нами, дети становятся склонными к асоциальному и преступному поведению только в том случае, если они утратили веру в будущее, в свои успехи в школе, в свою привлекательность для противоположного пола.

Но наиболее частое заблуждение детей заключается в их явно гипертрофированном представлении о якобы первостепенном значении *врожденных способностей*. Оно наносит вред внешне одаренным детям, порождая ожидания, под бременем которых ребенок может сломаться, а также внешне неодаренным, заставляя их вскоре отказаться от всяких усилий. В

воспитании строжайшим образом необходимо избегать такой опасности, это удастся родителям и воспитателям значительно легче, если они будут иметь в виду, что по-настоящему значительные успехи никогда не даются легко и достигаются только в борьбе с трудностями. Если бы кто-нибудь рано обнаружил у Бетховена недуг слуха, тот столь же мало был бы уверен в его таланте, как, например, посторонний человек – в будущем величии заикающегося Демосфена. «Кто преодолевает, тот и побеждает!» и «Пожалуй, гениальность есть только прилежание», – говорит Гёте.

Но и предубеждение относительно *врожденных черт характера* может причинить вред ребенку и воспитателю. Ибо у того и другого может возникнуть соблазн отказаться от всяких попыток самим что-либо изменить. Против этого широко распространенного мнения имеется достаточно доказательств. Среди прочих контрдоводов индивидуально-психологическое исследование смогло указать на то, что *положение в ряду братьев и сестер* гораздо сильнее может влиять на формирование характера, чем врожденные свойства. Так, у первенца обнаруживаются консервативные черты, склонность быть заодно с сильными; второй ребенок в семье одного пола с первенцем всегда находится словно под парами и пытается всех сокрушить; младший ребенок чаще всего резко отличается от остальных – либо опережает других, либо демонстрирует крайнее безразличие. Насколько велико сходство в этих случаях, демонстрируют, например, сказки всех времен и народов, да и Библия (легенда об Иосифе), где встречается один и тот же образ младшего ребенка. Для пользы общества мы никогда не упускаем возможности указать, что воспитание единственных детей в семье, а также старшего мальчика наряду с младшей сестрой нередко бывает особенно сложным⁴.

Индивидуальная психология видит свою основную задачу в том, чтобы распространить свои теории и знания за пределы лечения больных и индивидуального воспитания, *стать профилактикой и мировоззрением*. Находящаяся во власти космоса, прикованная к этой не так много дарующей земле, связанная слабостью организма и еще больше – принадлежностью к обществу в языке, разуме, этике, эстетике и эротике жизнь принуждает человека находить ответы на неминуемо возникающие вопросы. Он словно оказывается перед арифметической задачей, которая требует абсолютно правильного решения, но это решение никогда не бывает полным и окончательным. Его мужество, его оптимизм, его натренированные способности являются необходимыми ответами на тяготы реальной жизни, которые в качестве важного содержания его психической жизни также поддерживают у него стойкое чувство неполноценности. Все формы жизни, вся культура и все душевные феномены в конечном счете представляют собой средства и способы смягчения его неуверенности. Индивидуальные варианты, степень возникающих при этом *заблуждений* создают образ индивидуальной личности. Все великие достижения коллективной психики проистекают из абсолютной логики *совместной человеческой жизни*. Они всегда следовали в направлении создания средств защиты, отражения ударов природы и содействия совместной жизни (формирования групп, законодательства, религии, гениальные достижения). Индивидуальная психология также является одной из таких попыток ослабить процесс, который природа затеяла против человека. Этот процесс неумолим и гораздо более беспощаден, чем мы сами. Он угрожает нервным людям, безумным, преступникам чуть ли не искоренением. Неспособность к профессиональной и общественной жизни, упадок семей и народов характеризуют этот путь. Безотрадность, преступность, алкоголизм, венерические болезни, перверсии, импотенция, проституция, нежелание иметь детей, фригидность и отвержение любви и брака являются признаками угрожающей катастрофы. Ключ к пониманию древнего злого рока человечества, возникшего из незнания и заблуждения, содержится, несомненно, в принципиальных положениях индивидуальной психологии. Ее мировоззрение является самым мощным средством защиты – защитой с позиции силы, а не слабости.

⁴ Adler, *Praxis und Theorie der Individualpsychologie* (2. Aufl. 1924), Wiesbaden (Verlag Bergman).

Индивидуальная психология как путь к познанию людей и к самопознанию

Я не знаю, будете ли вы благодарны мне в конце этого доклада, как я вам – за ваш дружественный визит, если теперь перед вами пройдет парадом все вооружение индивидуальной психологии, и я не думаю, что мне удастся убедить тех, кто, наверное, еще не посвящен и не вник в нашу задачу. Нередко даже у научных критиков я обнаруживал, что они делают акцент, по сути, только на второстепенном; знают клавиатуру нашей работы, нашего инструмента и полагают, что, рассмотрев клавиатуру, уже с полным пониманием могут также судить о результатах, которые с помощью этой клавиатуры получают. Но это не так. Если кто-то считает, что наши положения о чувстве неполноценности, о стремлении к власти, о компенсации различных их форм являются единственными задачами и достижениями индивидуальной психологии, то он ошибается. Речь здесь идет о том, чтобы научиться распознавать и понимать линии и пути в обширной области человеческой психики, мелодии, создаваемые индивидом, которые звучат, словно симфония, сочиненная *композитором*. В этом смысле каждый человек – художник, ибо он *создает* нечто из тех или иных врожденных факторов и возможностей. Поэтому его душевная картина представляет собой *единство*. Это входные ворота в индивидуальную психологию, ее необходимая предпосылка. Мы не могли бы в дальнейшем плодотворно работать, если бы не могли живо себе представить, о чем говорит нам каждое душевное выражение, если бы мы, например, вдруг сбились с пути в наших исследованиях и ошибочно посчитали, что в человеке существует, быть может, *две души*, быть может, даже несколько, быть может, вообще ни одной. Если бы не существовало единства в человеческой душе, то тогда, разумеется, любое стремление внести ясность с самого начала было бы дерзким. Мы можем опираться здесь на великих современников, которые хотя и не занимались в той же мере практикой душевной жизни, но понимание которых, несомненно, простиралось дальше, чем понимание многих нынешних исследователей. Пожалуй, достаточно будет указать, что уже у Канта можно найти четкое доказательство единства личности, без которого психологическое исследование вообще было бы невозможным.

Мы сделали еще один шаг и пролили свет на возникновение этого единства личности. Существуют, правда, исследовательские направления, которые ставят это единство под сомнение и считают более очевидной расщепленность личности. В действительности же мы обнаруживаем, что тем, кто исходит из связанного единства, гораздо проще подступить к личности и понять ее, чем исходящим из позиций естественных наук философам, которым привычнее рассматривать отдельные симптомы. Они напоминают нам тех, кто выхватывает из мелодии ноту, чтобы оценить значение отдельного фрагмента. Значение ноты, аккорда, отдельного такта вытекает, однако, только из рассмотрения взаимосвязи, когда сначала на нас воздействует целостная мелодия, а потом на основе этого прочувствованного единства мы обсуждаем детали.

Каким бы странным это кому-то ни показалось, но никто никогда не судил иначе, чем сначала пытаюсь понять целое, а затем уже в частностях вновь обнаружить всю линию, которая, извиваясь, проходит сквозь целое, – эту линию, линию движения, которая должна нам дать представление о душевной жизни, в которой нет ничего покоящегося, в которой каждый элемент данного движения является окончанием предыдущего и началом следующего, подобно тому, как в фильме, который разворачивается перед нашими глазами, каждый кадр становится понятным только тогда, когда мы видим целое, когда проводим линию движения дальше и устремляем взгляд на финал, на конечную цель, в которой все сходится. Поэты, создавая свои образы и персонажи, уже в самом начале, уже в первом акте прокладывали основные линии,

которые обязательно должны были вести к единому концу. Великие композиторы уже в первых тактах выражали весь смысл своей симфонии. Они давали нам верный образ душевной жизни человека.

Ребенок, который появляется на свет со способностью к рефлексам и определенными потребностями, очень скоро становится вынужден подчинять все свои движения некоторой ведущей идее; мы можем выразить это лишь приблизительно, когда говорим: самосохранение, стремление к превосходству, принуждение к защите, но мы понимаем при этом, что речь идет прежде всего о *шаге*, который должен сделать данный ребенок. Разумеется, его природные силы также следуют принципу самосохранения, создают ему возможности, когда он проектирует подобный жизненный план; но вместе с тем в отношениях со своим окружением он каждую минуту формирует собственные способности. Это не случайный результат, он соответствует общественным взаимосвязям, уже содержащим в себе направляющие линии, которые уравнились душевной жизнью ребенка и привлекаются к формированию его жизненных планов.

Если мы хотим ввести понятие, чтобы сориентироваться, *куда* пойдет это движение душевной жизни, то это будет движение к *большему*, к *дополнению*, к *усилению*, к силе, к власти, которые, похоже, обеспечивают ребенку некоторую безопасность, не устраняя полностью ситуации небезопасности.

Эта ситуация приводит, естественно, к стойкому состоянию подъема, она включает в себя не только ребенка, но и человечество в целом. Этот эффект, который можно было также назвать неудовлетворенностью, постоянно побуждает к компенсациям, к достижению прочной позиции, надежности.

Взгляд ребенка, естественно, устремляется к пункту «Ты», к ситуации, которой подчинены все силы, и тот, кто внимательно рассмотрел это движение, понимает, что идет непрерывная работа над созданием целостной личности, стремящейся выработать собственную позицию по отношению к важным вопросам.

Действительно ли все мы находимся в движении, а нашу жизнь следует понимать исключительно как движение? Не было бы никакого смысла в том, если бы обладало душой укоренившееся растение, – оно не могло бы ничего с нею сделать, поскольку из-за своих укореняющих органов оно лишено всякой возможности защиты и нападения. Душевную жизнь мы обнаруживаем только у органов, которые находятся в движении. Совершенно естественно, что центры органов движения и душевной жизни тесно друг с другом спаяны, а потому мы можем говорить о психофизическом нейтралитете.

Поскольку же и в человеческом теле движения служат тому, чтобы создать для него ситуацию безопасности и направлены на сохранение целостности человека, то становится ясным, что душевный орган человека является органом защиты и нападения и как таковой подчинен некому плану, что вся душевная жизнь зависит от органов, совершающих частные движения. Все симптомы должны быть включены в эту линию действия, линию движения, единую личность. Такая позиция чрезвычайно важна для психологии. Разумеется, тот, кто подвергает сомнению или оспаривает эти предположения, едва ли сумеет сделать с нами следующие шаги и понять, каким образом из такого рассмотрения можно вывести заключения об отдельных факторах психической жизни; он не поймет, что движение, движение в симптоме, уже демонстрирует нам факт психической жизни человека в его целостности.

Однако симптом становится нам понятным, как только мы определяем его место, как только мы начинаем расценивать отдельное душевное движение лишь как часть человека, как конечную точку предыдущего и начало следующего движения. В таком случае мы должны прийти к выводу: все, что мы можем наблюдать в душевной жизни человека, есть *подготовка к дальнейшему движению*.

Тем самым напрашивается мысль, что во всех душевных явлениях существуют *тенденции*, цель которых нам следует знать, если мы хотим их понять. Все черты характера могут озна-

чать совершенно разное; проявляясь у различных людей, они могут содержать в себе совершенно противоположные тенденции. Если мы следуем этим путем, то черт характера больше не существует, существует только тенденциозный аппарат обеспечения безопасности. Мы знаем людей, которые боятся сделать хотя бы шаг, запираются в комнате и тем самым избавляются от своего страха. Если понаблюдать за боязливыми детьми, то постоянно обнаруживается, что этот страх содержит в себе некоторую тенденцию и не является просто страхом в обычном значении. Мы часто слышим от этих детей зов о помощи, которую они связывают с другими людьми. Если ребенок плачет, когда уходит мать, становится боязливым и не позволяет другим себя воспитывать, то мы видим, как все эти проявления складываются в нечто такое, что демонстрирует нам общую картину более характерно и лучше, чем когда мы выясняем смысл отдельного явления. Я хочу показать это сегодня еще на одном сложном примере.

Если мы теперь вновь обратимся к нашей основной теме, то, разумеется, мы не сможем обойтись без этих предположений; мы будем придерживаться того, что все черты характера, не важно, как мы их назовем, всегда содержат в себе тенденцию приблизиться к единой цели. Далее, мы очень скоро столкнемся с тем, что черты характера людей отнюдь не всегда прямолинейно атакуют эту единую цель, а проявляют удивительные различия и нюансы, необходимые для оценки человека. Нужно знать весь образ жизни человека, прежде чем мы сумеем делать выводы о частностях. Мы можем, например, наблюдать, что один *прямолинейно* движется к цели и редко отклоняется от нее, другой, чтобы приблизиться к этой цели, останавливается там, где предполагает возможные трудности, и пытается добраться к ней в обход, у третьего же обходной путь такой длинный, что он вообще не приходит к цели.

Тем самым мы получаем теперь довольно ясную картину сущности, личностного ядра человека. Но эти линии отнюдь не случайны. Мы не будем довольствоваться выводами о том, что один человек не пасует перед тяжелой задачей, пытаясь прямолинейно ее одолеть, или о том, что другой человек, следуя окольным путем, теряет из виду цель; но мы будем по праву предполагать, что склонности к подобным формам жизни должны иметь основу в предыстории, что также и здесь нет никакой случайности, а проявляется часть действительного жизненного плана, часть, которая была заложена с самого начала. У одних и тех же людей мы можем снова и снова наблюдать то же самое ошибочное движение и в других отношениях.

Возможно, кто-нибудь спросит: не слишком ли смелы эти выводы? Но можно ли здесь рассуждать иначе, если быть достаточно последовательным, чтобы не недооценивать симптомы? В случае так называемых неврозов можно, например, регулярно наблюдать, как человек тешит себя надеждами, а затем начинает сомневаться в себе, сталкиваясь с той или иной трудностью. Существует много людей, которые, сталкиваясь с проблемой, ведут себя боязливо и бывают настолько потрясены, что справиться с этой проблемой уже не могут. Иногда при неврозе навязчивости человек вместо того, чтобы решать свой жизненный вопрос, занимается совершенно посторонними вещами, например подсчетом оконных стекол, сложными манипуляциями с числами, которые никому не приносят пользы, но которые мы понимаем из факта: перед нами неуверенный в себе человек, уклоняющийся от решения жизненного вопроса, он не полагается на себя и не несет в себе заряда оптимизма. Такому человеку хочется как-нибудь бочком скрыться в кустах. То же самое мы обнаруживаем и во всех остальных формах невроза.

Кроме того, во всех ошибочных формах жизни, характеризующихся тем, что в них всегда человек оказывается на бесполезной стороне жизни, мы обнаруживаем также его символические поступки, говорящие нам, что по каким-то причинам он не хочет быть полезным обществу.

Теперь перед нами встает задача показать, откуда берутся такие черты характера, как малодушие, неуверенность в себе и т. д., затем – что эти явления уже обусловлены всем жизненным планом, целью, которая маячит перед этим человеком, что он, сталкиваясь с вопро-

сами жизни, не просто уклоняется от них, а занимается бесполезными вещами. Все это происходит из-за необходимости в поддержании целостности его личности.

Таким образом, мы переходим к исследованию истоков формирования такой личности. Они уводят нас в самое раннее детство: мы видим, что жизненный план такого человека, конечная цель, к которой он стремится, и единая личность имеют четкую форму уже на втором году жизни. При этом необычайно важно, что эта единая личность существует, *не* обладая сознательным мышлением, *без* сознательной критики. Эта личность возникла в условиях и ситуациях, которые не могут продолжаться вечно и изменяются, но которые в силу присущей ребенку беспомощности и неуверенности в себе и вследствие неблагоприятного влияния окружения неправильно понимаются и переоцениваются в своем значении. Поэтому перед нами встает задача, во-первых, исследовать общий жизненный план, во-вторых, исследовав его, устранить ошибки. Как педагоги мы подходим к трудновоспитуемым детям с *предположением*: у них имеется жизненный план, построенный на ошибках, вину за которые нельзя возлагать на ребенка, поскольку ни один воспитатель до сих пор эти ошибки не выявил. Никто не считает, что должен наказывать детей за ошибки и дурные привычки и вести с ними борьбу. Результат был бы печальный и постыдный. Жизненный план не меняется, конечная цель не меняется, ребенок не признает своих ошибок, поэтому он не сможет исправиться и придет в отчаяние, столкнувшись с трудностями при вхождении в совместную жизнь людей. Даже если это выглядит схематично, мы не сможем по-другому рассмотреть такую обширную область, поскольку должны упорядочить факты и привести их в систему.

То, что речь здесь идет о предварительных понятиях, о системе параграфов, представляющей собой некую сеть, с помощью которой мы можем измерять, классифицировать, определять нюансы, является само собой разумеющимся. Мы учитываем, что вершина нашего знания, без сомнения, совпадает также с вершиной современной культуры. Мы не думаем, что исследовали все до конца, высказали истину в последней инстанции, но считаем, что все это может быть составной частью сегодняшнего современного знания и культуры; мы рады тем, кто придет после нас.

Чтобы дополнить эту сеть понятий, мы переходим теперь к жизненно важным вопросам. Существуют три жизненно важных вопроса, к которым можно свести все человеческие проблемы. Их особенность заключается в том, что ни один из них не может существовать сам по себе – он существует только наряду с остальными.

Первым жизненно важным вопросом является вопрос об отношении одного человека к другому, то есть вопрос социальности. Тот, кто считает, что это его не касается, заблуждается, ибо этот вопрос решает каждый, даже если он его отвергает. Ведь и в отвержении проявляется то, как он относится к другим людям. Мы находимся в процессе развития. Наше сегодняшнее понимание – всего лишь определенная точка в процессе развития, которая затем окажется позади. Мы не сторонники консерватизма и стараемся содействовать высвобождению всех сил на благо прогресса. Вопросы дружбы, товарищества, общности являются вопросами всех людей, всего человечества. Возможности для решения имеются, естественно, у каждого человека, поскольку факт человеческой общности в качестве предпосылки содержится уже в самом понятии человеческой жизни. Мы не можем представить себе человека, вырванного из всех человеческих взаимосвязей. Даже Робинзон на своем острове не утратил этой взаимосвязи, ибо он выступает там как человек, каким мы его знаем только во взаимосвязи с другими людьми. Кого интересует то, как возникла у человека эта социальная движущая сила, это стремление сопереживать другому человеку, рассматривать себя частью всего человечества, тот, вполне естественно, обратится к биологии и будет вынужден довольствоваться тем положением, что любые живые существа, которые от природы не обладают большой физической силой, для обеспечения своей безопасности вынуждены собираться в группы и стаи. Могучий лев, горилла могут жить в одиночку; но более слабые существа собираются в стаи, поскольку

благодаря такому объединению появляется возможность противостоять силам природы, избегать многих опасностей и совершать нападения.

Среди живых существ, с которыми немилосердно обошлась природа, на первом месте, пожалуй, стоит человек. Он не так оснащен, как живые существа, вынужденные вести борьбу с природой; сначала он должен сам обеспечить себя средствами защиты. Вся наша культура является результатом этих стремлений, создана взаимосвязями человечества. Все ценные способности человека возникают из этих взаимосвязей, проявления которых мы обозначили понятием чувства общности. Оно лежит в основе развития всех психических способностей человека, таких, например, как речь, которая может быть только общественным продуктом и служит тому, чтобы сделать связь между людьми более прочной. Также и разум является порождением общества, поскольку обязан иметь всеобщее значение (Кант). Мораль и этика тоже немислимы без человеческого чувства общности.

Как видите, если задаться вопросом о взаимосвязи индивида с обществом, становится неопровержимым вывод, что все способности человека происходят из этой взаимосвязи. Но именно поэтому способности человека окажутся недостаточными, если по каким-то причинам отношения с обществом нарушаются, прерываются. Возьмите ребенка, который боится другого человека, видит в нем своего врага, и попытайтесь представить себе, какой будет его речь. Она уже не будет естественной и непринужденной, ребенок, скорее всего, будет заикаться, робко говорить, его речь парализуется уже в самом начале ее развития, поскольку отсутствует импульс, истекающий из чувства сплоченности.

То же самое относится к развитию разума. Ребенок, который держится в стороне от общества, у которого другие люди, не понимая задач воспитания, подрывают чувство сплоченности, при поступлении в школу окажется так называемым «неспособным» ребенком и не сможет проявить *ту* степень концентрации памяти, какой уже может обладать школьник. Это является важным моментом в искусстве воспитания, и, по нашему мнению, этому обязательно нужно придавать большое значение, если мы думаем о подготовке ребенка к его последующим задачам. Если вы теперь посмотрите, какой неудовлетворительной была эта подготовка непосредственно перед школой, то вас не удивит, что, поступив в школу, ребенок попадает в сложную ситуацию, в которой и обнаруживается недостаточность подготовки, равно как и всего жизненного плана. У подобного ребенка проявится ущербность его мыслительной деятельности, морали, речи и чувств.

Однажды я уже говорил: быть человеком – значит иметь чувство неполноценности; ибо перед силами природы, жизненными трудностями, задачами совместной жизни, фактом бренности человека никто не может быть избавлен от чувства неполноценности. Но это не зло, а благо, начало, стимул к развитию человечества, которое вынуждено было создавать и сумело создать свои средства защиты. Однако в силу различных моментов это чувство неполноценности может настолько усугубиться, что средств защиты, в которых нуждается и которых ждет ребенок, найти невозможно. Это необычайно важно понимать, поскольку в таком случае нам приходится иметь дело с детьми, которые, чувствуя себя слишком слабыми, нуждаются в условиях, которые мы им предоставить не можем.

Если вы обратите внимание на детей, которым не давали почувствовать себя сильными, самостоятельными, то поймете, что они совершенно не подготовлены к трудным ситуациям в жизни. Обнаружится, что они плохо обучены, а потому должны «пересдать экзамен», чтобы по возможности компенсировать этот ущерб.

Если теперь мы спросим себя, кто является главным помощником в решении первых жизненных проблем, то ответ очевиден: мать. Возможность и необходимость вхождения в общество содержится в жизни каждого ребенка, и мать как первый человек, демонстрирующий ребенку это чувство общности, имеет задачей представить ребенку «Ты», с которым ребенок должен считаться и к которому он может привыкнуть. Именно так в своих отношениях с мате-

рю ребенок учится воспринимать ее как часть целого, как нечто, чему он принадлежит, и что принадлежит ему; он *видит в матери первого близкого человека*. При этом мы уже можем установить, что эта функция матери, естественно, принесет очень хорошие плоды, если она осуществляется таким образом, что в нее не закрадываются ошибки. Из рассмотрения подготовки мы видим: если мать решает задачу неправильно, если она настолько привязывает к себе ребенка, что его связь с другими людьми, даже с отцом, становится невозможной, то тогда, разумеется, мать свою функцию не выполняет: у ребенка нет интереса к другим людям, он всегда будет стремиться быть рядом с матерью. Не может быть также, чтобы такой ребенок был смелым, поскольку ему всегда нужен другой человек, и это стремление к другому отчетливо выражается в характерной для него трусости. Такие дети неизбежно будут трусливыми. Ребенок всегда будет тянуться к матери и тем самым показывать, как неуверенно он себя чувствует; более того, даже во сне он не может разлучиться с матерью, из-за чего она вынуждена заботиться о ребенке и ночью.

Излишне присоединяться к представлениям тех, кто считает, что здесь речь идет о сексуальной привязанности. Совершенно естественно, что в случае такой сильной привязанности, как привязанность к матери, примешивается сексуальное влечение. Но, что совершенно естественно, удастся также выявить привязанность ребенка к животным или к другому ребенку. Педагог должен быть нацелен на то, чтобы ребенок умел видеть «Ты» в каждой человеческой личности.

Таков был первый жизненный вопрос, теперь мы переходим ко второму. Вопрос о профессии (каким образом ты хочешь приносить пользу?) также не возник произвольно. Недопустимо, чтобы кто-то считал, что этот вопрос, как и первый, его не касается.

Очень редко бывает, чтобы кто-то, освоив профессию, принес пользу *всему* человечеству. Он занимает *определенное* место, на котором и должен стоять человек, чтобы понять все движение человечества. Вероятно, существуют другие планеты, где работа является чем-то излишним; но мы живем на бедной Земле, где работа, совершенно естественно, – необходимость и добродетель одновременно, поскольку наши добродетели происходят из необходимости, из правильного решения жизненного вопроса. Не существует никакой другой меры, кроме чувства общности; сохранение общества является задачей каждого индивида, основой его развития.

При решении второго жизненного вопроса вы также обнаружите самые разнообразные трудности и будете постоянно обращать внимание на совершенные уже при подготовке ошибки, которые, например, возникли из-за того, что ребенок приобрел чувство неполноценности, поскольку всегда находился кто-то, кто не считался с его ценностью в сравнении с другими, поскольку он не мог общаться и что-либо делать вместе с другими людьми. Ребенок, естественно, полностью утратил чувство собственной ценности. Однако интересно и удивительно, что и из изнеженных детей, и из детей, воспитывавшихся в строгости, вырастают люди, не чувствующие себя способными справиться с задачами, относящимися к сфере работы. Импульс общности, из которого каждый получает свое значение, у этих детей никогда не возникает. Они не умеют жить в обществе. Из этого можно сделать педагогический вывод, что этих детей необходимо ввести в общество, их нельзя изолировать; кроме того, они должны контактировать не только с детьми, но и со взрослыми. Они должны видеть мир в малом. Нам хорошо известно, что все подготовленные к обществу дети характеризуются в школе как заводицы, тогда как другие всегда остаются в тени.

Теперь мы приходим к третьему жизненному вопросу, к вопросу любви. В некоторых пунктах его решение со всей определенностью уже описано выше. Существует два пола. Игнорировать этот факт едва ли возможно. Разумеется, мы не будем удивлены, что те, кому это все же удастся, приводят всевозможные доводы, которые, однако, не могут устоять перед фактами, что наша жизнь – это жизнь общности людей, составляющих единое целое, что наши способ-

ности, наше существование могут быть плодотворными только в том случае, если мы считаем себя частью целого.

Хотя до сих пор мы вели речь лишь о крайних случаях, тем не менее мы можем сказать, что и все нюансы, разумеется, будут подчиняться тем же законам и принципам. Решение жизненного вопроса возможно только при условии социальности. Любое другое решение неправильно и, как все неправильное на этом жизненном пути, влечет за собой пагубные последствия. Эластичность человеческой психики благодаря вмешательству и переплетению разных факторов способна затушевывать в жизни человека связь ошибки и следствия. Нередко, когда эти жизненные вопросы решаются поздно, нам, близоруким людям, связь также не ясна, хотя на этот счет достаточно ясно высказывается, например, религия. Значение неправильного решения этого третьего жизненно важного вопроса, разумеется, можно увидеть только в том, что здесь господствуют заблуждения, распознать которые при прежнем способе рассмотрения вообще, пожалуй, было нельзя.

И здесь мы находим те же аналогии, что и при решении первых двух жизненных вопросов. Везде, где обнаруживается уклонение от решения третьего жизненного вопроса, причины этого надо искать в предыстории. Если, например, с этой позиции вы рассмотрите гомосексуализм, то в *каждом* случае уже в предыстории обнаружите указание на гомосексуальное развитие человека в последующей жизни. Ошибочно было бы считать, что здесь все было врожденным и неизменным, – это всего лишь видимость. Ибо при решении других жизненных вопросов мы могли наблюдать те же условия и состояния, ошибочное развитие, которому способствовали упущения со стороны окружения, но в этом случае у нас нет основания предполагать, что возникшие в результате неудачные решения неизменны или что их можно объяснить врожденными задатками.

Что мы знаем о гомосексуалистах? То, что они всегда проявляют интерес только к своему полу. Разумеется, это выглядит так, словно это *всего лишь* «интерес», тогда как на самом деле это нечто гораздо *большее*. Однако зададимся вопросом, что происходит с нормальным человеком, который проявляет интерес только к противоположному полу. Этот интерес не является изолированным, но связан со множеством тенденций, стремлений, подготовок, с длительной тренировкой, которая необходима для соразмерного решения всех жизненных вопросов. Следовательно, у гомосексуалистов мы принимаем за «интерес» то, что в действительности является чем-то большим, а именно тенденциозной тренировкой, причину и цель которой мы должны выяснить. В предыстории гомосексуалистов мы сумели установить, что речь шла преимущественно о детях, которые испытывали слишком большой страх перед родителями противоположного пола. Например, у мальчиков, имевших очень строгих матерей, которые, возможно, достаточно хорошо к ним относились, но не проявляли тепла, мы могли наблюдать не только то, что в образе матери они боятся вообще всех лиц противоположного пола или, по меньшей мере, начинают почтительно к ним относиться, но и то, что люди, которые должны были способствовать обращению чувства общности на других людей, со своей задачей не справились. В результате возникает форма жизни, которая при всей терпимости к ней, собственно говоря, все же не является правильной, поскольку пренебрегает важнейшими задачами общества. Мы каждый раз видим, что следствием этих ошибок в предыстории является неудовлетворительная подготовка человека и что эти ошибки начинают сказываться в тот момент, когда перед ним встают вопросы жизни. Мы обнаруживаем не только недостаточную тренировку человека, но и преграждающие ему путь боязливость и неуверенность в себе. Такие люди, будь то трудновоспитуемые дети, преступники, больные или люди с сексуальными отклонениями, имеют нечто общее: всякий раз на пути к достижению цели, останавливаясь на некоторой дистанции от нее, они начинают, так сказать, заниматься другими делами. Это похоже на то, как если бы, не имея возможности отправиться на фронт, они задерживались где-то в тылу, закреп-

лялись в некоем пункте и там окапывались, поскольку решение жизненного вопроса кажется им невозможным без того, чтобы не потерпеть при этом тяжелого поражения.

Рассмотреть психологию этих людей не всегда оказывается просто. Мы часто обнаруживаем, что хитрость человека может превратить вещь, явление в их противоположность – один, например, постоянно взывает к любви, но именно таким нецелесообразным способом решает этот вопрос и препятствует его решению. Бывает, например, так, что кто-то, вместо того чтобы терпеливо ждать, поспешно и торопливо стремится достичь исцеления от невроза. Но как раз из-за этого нетерпения он и не приходит к цели. Может быть и так, что трудновоспитуемые дети признают собственные ошибки и сожалеют о них, но ничуть не меняются. Однако такое возможно только в том случае, если в этой взаимосвязи остается скрытой общая динамика. Посмотрите на *ленивых* детей. Лени, разумеется, не является добродетелью, поскольку она противостоит труду и связям индивида с обществом. Когда такой ребенок «вступит в ряды человечества», он со своей задачей не справится. Поэтому мы пытаемся бороться с ленью. Как я уже ранее говорил, способ, которым можно ее победить, не может заключаться в выхватывании этих отдельных явлений с целью их упразднить. Родители, жалующиеся на лень своих детей, постоянно приводят их к нам со словами: «Мы пытались уже быть *добрыми*, но это не помогает. Мы пытались быть *строгими*, но и это не помогает». И то и другое не являются средствами, которые мы можем рекомендовать; скорее, мы удивляемся педагогам, которые полагают, что ребенок, которому сто и один раз говорят одно и то же, по волшебству или благодаря магической силе этих слов теперь вдруг изменится. Вместо этого лучше было бы рассмотреть предисторию этих детей, и тогда вскоре бы обнаружилось, что это последнее – пока – явление имеет долгое и сложное развитие. Мы имеем здесь дело с детьми, которые не верят в себя, которые, чувствуя себя безопасно в своей лени, естественно, к ней прибегают. Благодаря своей лени они, несомненно, нашли удобное для себя положение, из которого их очень сложно вывести. Когда они чего-то не делают, про них не говорят: «Это неспособный ребенок», а говорят: «Он неисправимый лентяй» и «Если бы он не ленился, то мог бы всего добиться». Если такой ребенок не выполняет свои задачи, то его подстегивают вдвойне, тогда как о прилежном ребенке в аналогичном случае никто не беспокоится. Есть даже дети, которые ленивы только потому, что они таким образом привлекают к себе внимание других. Какие средства применять к этим детям? Они работают, так сказать, при смягчающих обстоятельствах. Если их наказывают или обращаются с ними более строго, то они ведут себя так, словно оказываются в другом мире, при этом они не знают, к чему пришли. Следовательно, и вопрос о лени также связан с вопросом о единстве личности.

Часто бывает, что ребенок неопрятен, повсюду разбрасывает свои вещи, не умеет поддерживать порядок. Если мы рассмотрим только частности, то увидим не более того, что он нарушает порядок и обременяет других. Но если мы посмотрим на все это во взаимосвязи, в которую включен ребенок, то тогда перед нашими глазами появится и другой человек, а именно тот, кто наводит порядок. Можете быть уверены: если вы слышите про ребенка, что он неопрятен, то за ним всегда стоит тот, кто заботится о порядке.

Я бы хотел в связи с этим обратить внимание еще на одну ошибку, часто совершаемую детьми. Неопрятные дети часто *лгут*. Мы вскоре обнаружим истинную взаимосвязь, если зададим себе вопрос: при каких обстоятельствах я был бы лживым ребенком? Если, например, я сталкиваюсь с делом, которое выглядит очень опасным, с которым, как мне кажется, я не справлюсь, то и я при определенных обстоятельствах буду вынужден прибегнуть ко лжи как средству защиты. Здесь, как вы видите, ложь выступает средством защиты, уже не просто единичным явлением, а частью большого движения, посредством которого, даже если оценивать его в остальном как ошибочное, можно взять верх над другими. Эта черта – брать верх над другими – у некоторых людей может быть настолько сильно выраженной, что остается *одна лишь* тенденция быть наверху: они лгут не только потому, что видят над собой сильную руку,

они лгут уже, чтобы выглядеть лучше, поскольку ценят себя слишком низко. Эта низкая самооценка предстает как чрезвычайно важная часть подготовки, ибо мы заключаем из этого, что важнейшая часть психического развития совершается уже в первые годы детства. Мы отмечаем это у детей всех описанных типов и постоянно обнаруживаем, что все ошибки, все неправильности развития в дальнейшей жизни обусловлены заблуждениями и ошибками, допущенными в детстве.

Теперь мы можем также объяснить, почему опыт приносит так мало пользы, почему не каждый человек становится умнее с опытом, почему это так редко случается. Дело в том, что индивид для сохранения целостности своей личности тенденциозно преобразует все переживания и переворачивает каждую ситуацию до тех пор, пока из нее нельзя будет извлечь «опыт», который изначально его «устраивает», то есть соответствуют его жизненному плану. Рассмотрим, например, изнеженного ребенка, который хочет находиться только рядом с матерью и не проявляет интереса ни к кому и ни к чему более, и попытаемся предсказать, как будет вести себя в школе этот ребенок. Мы точно знаем, что он не имеет надлежащей подготовки к школе и не захочет в нее ходить. Он будет отбиваться, кричать, плакать и сидеть в классе всегда лишь с одной мыслью: когда же я снова буду дома. Все задания, которые даются в школе, он будет воспринимать с неохотой, с отвержением, без интереса. Выяснится, что его способности не развиты, и он будет казаться неспособным. Каковы дальнейшие последствия? В лучшем случае он получит плохую оценку. Это, разумеется, лишь укрепит ребенка в его мнении: здесь плохо. Весь такой опыт всегда воспринимается ребенком лишь с его собственных позиций. Если затем его строго наказывают, то ребенок еще более утверждает в своей мысли: «Я знал, что мне здесь не место». Мы можем заранее представить себе его отношение к школе. Если, например, его учитель от природы очень благожелательный человек, то, возможно, он окажет ребенку поддержку, поскольку у того появляется ощущение: «Учитель так похож на мою мать, ведет себя, как моя мать». Но здесь необычайно сложно из школьной создать ситуацию, которая была бы похожа на ситуацию с матерью. В школе царят другие законы, существуют другие требования. Поэтому в дальнейшем ребенок начинает страдать от пренебрежения, всегда расценивается как «неспособный», а затем, вступая в жизнь, будет считать себя совершенно непригодным к жизни, всегда опасаться очередных поражений, пасовать перед новой ситуацией, новой профессией, поскольку он всегда ожидает лишь неприятностей. Он уже столько испытал в жизни, и его надежды навсегда разрушены. Профконсультант не принимает этого в расчет, а выносит приговор: недостаточно подготовлен, по-настоящему не готов приносить пользу и т. д. — и отказывает в приеме на работу.

Эта система приводит к пагубным последствиям и к многочисленным неприятностям в дальнейшей жизни.

Разумеется, те или иные противоречия должны быть исследованы глубже. Есть критики, которые говорят: вот перед вами человек, который блестяще решил профессиональный вопрос, зато у него нет друзей, он не хочет знаться с другими людьми, его эротика захла. Является ли это действительно решением профессионального вопроса, если человек *только* и делает что работает с семи часов утра до двенадцати часов ночи? Действительно ли это соответствует интересам человечества? Мы часто встречаемся с неверным пониманием работы на пользу общества и должны усматривать в этой односторонности примирение человека со своей жизнью и с нами.

Кто интересуется подобным типом людей, пусть прочтет рождественскую сказку Диккенса, в которой мастерски изображен такой человек.

Я хочу здесь вкратце рассказать вам еще об одном человеке, который на своем тридцатом году жизни оказался замешан в преступлении. Его обвиняли в том, что он садистским способом использовал детей для удовлетворения своих сексуальных желаний. Для меня было важно выяснить пути, которыми этот человек пришел к своей извращенности, к такому неудовлетво-

рительному решению любовного вопроса. Следовательно, мы должны попытаться найти подготовку там, где он остановился в своем развитии. У этого человека не было ни друзей, ни профессии. Он жил благодаря каким-то нелегальным спекуляциям на бирже, к которым, однако, проявлял интерес лишь время от времени, спорадически. Его жизнь протекала в кофейне, где он сидел, читал газеты и подстерегал кого-либо для удовлетворения своих страстей. Он не ходил в театр, не читал книг; ко всему этому он испытывал лишь презрение. Характерная походка и движения тела соответствовали особенностям его личности. Он говорил своим телом. Пренебрежительное движение рукой (рука презрительно опускается сверху вниз) совершенно отчетливо говорило: «Ничто не имеет значения». О чем бы ни шел разговор, он всегда повторял это движение рукой. Этот пренебрежительный, презрительный жест выражался, однако, не только в этом отдельном движении, но, например, и в почерке – в направленном вниз, аналогично жесту руки, завитке в конце слова. Если теперь мы рассмотрим преступления, из-за которых этот человек оказался перед судом, то обнаружим удивительное совпадение с его общей жизненной позицией. Подобно тому, как движением руки он выражал пренебрежительное отношение к людям, мы обнаруживаем, что он рассматривает как ничего не стоящее и решение любовного вопроса, обесценивает его.

Как видите, дело не в том, чтобы констатировать: «Это стремящийся к власти человек, обремененный чувством неполноценности». Это одновременно и чувство неполноценности и стремление к власти. То, что он выбирает только детей, которых заставляет подчиниться, естественно, не соответствует логике общества. Но то, что он хочет быть здесь бесспорным победителем, мы понимаем как выражение его стремления к власти. Скорее всего, при решении любовного вопроса этот человек должен был потерпеть неудачу. Не явилось ли причиной такой неудачи чувство неполноценности, с одной стороны, и стремление к власти – с другой? Здесь мы должны себя спросить: «Как это могло получиться?» Где-то должна была возникнуть ошибка, которая и стала причиной всего остального. Рассмотрим условия, в которых он жил в раннем детстве.

У него был очень мягкий отец, мать же всем своим поведением демонстрировала то же самое пренебрежительное движение, которое мы наблюдали у этого мужчины. Она постоянно давила на юношу, который пытался уклониться от ее влияния. Юноша закончил школу с очень хорошими результатами; но его мать все снова и снова от него чего-то требовала. Он был хорошим музыкантом, он был хорошим пианистом, пока из-за критики со стороны матери не прекратил свои занятия. Когда однажды во время войны он собрался поехать домой, мать этому воспротивилась: его кузен был уже лейтенантом, а он только прапорщиком. «Не возвращайся, пока тоже не станешь лейтенантом», – написала она ему. Она сделала слабого ребенка жертвой своей тенденции всех унижать и оказалась неспособной осуществить свою функцию матери – наделить юношу чувством общности. В результате юноша приобрел ко всему только пренебрежительное отношение и оказался ни к чему не способным человеком. Сексуальное влечение проявилось у него, как и у большинства детей, в раннем возрасте. Когда мать замечала, что у трехлетнего мальчика возникало сексуальное возбуждение, она приходила в ярость и непрерывно его преследовала и мучила. То же пренебрежение, которое она сама демонстрировала своим поведением, она взрастила у юноши: тайно, незаметно от нее, делались вещи, которые она ему запрещала, про которые он знал, что мать их не терпит; ибо в тайном отпращивании сексуальности в ранних детских формах он испытывал чувство, что он более сильный, что он превосходит мать. Это и есть путь его развития: скрытая борьба с воспринимавшейся непобедимой матерью.

Такой ребенок плохо подготовлен к школе, – и не столько в смысле своих результатов, которые могут быть очень хорошими, – его плохая подготовка проявляется в его поведении по отношению к сверстникам. Понятно, что, если в классе сидит странная птица, то все на нее нападают. Это представляется нам реакцией школьников, направленной на признание и

объявление правильным чувства общности, в котором каждый заинтересован. Если же среди них находится тот, кто в нем не заинтересован, недостаточно для этого смел, то он становится притягательным центром для нападков всех детей. И тогда этот юноша думает: разве я не прав, если не придаю значения людям?

Мы слышали, что отец был мягким человеком, всегда заботился о мальчике, исполнял все его желания. Спрашивается: почему отцу не удалось направить сына на другой путь? Из-за того, что юноша ожесточился в борьбе с матерью, все остальное, даже мягкость отца, само по себе не имело для него никакого значения, но служило лишь еще одним доказательством того, как плохо с ним обращалась мать. Если один из родителей мягок, а другой строг, то борьба с более строгим родителем будет лишь еще ожесточеннее.

Неудовлетворительное решение любовного вопроса в развитии этого юноши не является *исключительно* тем, что интересует нас при анализе данного случая. Из общего рассмотрения мы можем реконструировать то, какая форма эротики должна была закрепиться у этого человека. Мне достаточно будет указать только на то, что он отделился от всех людей, обособился и с самой ранней юности тренировал эотику в соответствующей этому поведению форме. У него бы так и осталась эта форма, но случайно возникло еще одно обстоятельство. Вооружившись боязливymi мыслями, враждебностью к другим людям, он очень скоро стал проявлять интерес к сказкам и историям. Здесь воплощением всей враждебности, с которой он столкнулся в юные годы, показалась ему история Молоха, которому приносили в жертву детей. Не только из-за своей собственной враждебности ко всему человеческому роду он был склонен снова и снова углубляться в историю Молоха, он сам себя представлял в роли такого принесенного в жертву ребенка и говорил себе: «Я такой же ребенок, которого принесли в жертву Молоху». Тяжелые душевные страдания, которые он отображает в своей фантазии, пробудили в нем чувство страха, ужаса.

Почему же он стал садистом? Он – один из тех людей, которые переносят свое тревожное возбуждение на сексуальную жизнь. Страх, который является общераспространенным аффектом у человека, может проявляться в самых разных формах. Существуют определенные типы страха. В большинстве случаев он охватывает сердечные нервы, вызывает учащение сердцебиения или неравномерную работу сердца. Но существует также тип страха, от которого встают дыбом волосы. Есть люди, которые при страхе испытывают главным образом симптом слабости, дрожи, который охватывает живот и кишечник, но существуют и многие другие типы. Так, у некоторых людей страх наносит ущерб половой жизни, что и произошло в данном случае.

Я думаю, что при обсуждении этого случая нам удалось понять ошибки воспитания. Причина неудачной жизни этого человека заключалась в его неудовлетворительной подготовке в детстве, которая отразилась на его характере. Он строил свою жизнь главным образом на двух заблуждениях. Первым большим заблуждением было то, что он просто-напросто схематически перенес на всех остальных людей суждения и выводы, к которым склонило его поведение матери. Второе заблуждение заключалось в том, что он не воспринимал проявления личности своей матери как болезненные и рассматривал их как естественную и неизбежную особенность женского пола. С трех лет этот юноша стал осуществлять свою тренировку и направил весь интерес исключительно на утверждение своей власти там, где она казалась полной и давала ему чувство безопасности, превосходства. Он рос изолированно, не был обогащен опытом общения с другими детьми, и у него как у единственного ребенка своей матери сохранились только впечатления о страданиях.

Его заблуждения при решении эротического жизненного вопроса полностью согласуются со всем остальным его поведением. Он обесценил эотику так, как обесценил все остальные общественные вопросы. Эта тенденция к обесцениванию соответствует душевным впечатлениям, полученным в ранней юности. Он стал садистом, потому что его характер и его личность отвечают этому способу легкой победы над более слабым. Его стремление к превосходству

реализовывалось через порабощение другого. Его извращенность, без сомнения, имеет ту же структуру. Если кто-то хотел задать вопрос, не могло ли быть так, что вся его личность возникла из его сексуальности, то для ответа я должен был бы повторить тот же самый доклад и показать, что это воззрение неправомерно. Вся личность этого человека является совершенно единой, все в нем управляется его целью; и форма его сексуальности также обусловлена исключительно его характером.

Разумеется, на вопрос, как я отношусь к искусству – живописи, скульптуре, музыке и т. д., – можно ответить только в теснейшей связи со всеми остальными жизненными вопросами. Особая функция искусства заключается в том, что оно ведет за собой человечество. Совершенно очевидно, что оно оказывает влияние на все остальные вопросы. Все наши чувства, наша социальность испытывают на себе его влияние. Наше мышление, наши чувства всегда так или иначе находятся во власти наслаждения, получаемого от искусства. Развитие искусства есть развитие к общности. Оно учит людей видеть и слышать, является даже формой речи и накапливает запасы колоссальных *умений*. Художественное произведение представляет собой единое построение в соответствии с определенной присущей ему мелодией.

Мы полагаем даже, что *любой* вид деятельности обнаруживает то или иное отношение к искусству и связь с ним. В частности, мы, индивидуальные психологи, видим особое преимущество нашей работы по расшифровке душевной жизни человека в том, что она является не только наукой, но и искусством.

Тем самым я определил по меньшей мере в общих чертах свою задачу. Если я привлек ваше внимание и пробудил интерес к подобного рода исследованиям, то буду считать, что за сегодняшний вечер сделал достаточно. Для вас же остается гораздо более сложная задача – не пренебрегать мелодией, единой линией и в своем жизненном окружении. Речь идет о задаче, гораздо более важной: о лечении нервных людей, о расширении человеческого знания, о большем понимании каждым индивидом собственной душевной жизни и душевной жизни другого. Отношения между людьми могли бы радикально измениться, если бы люди не противостояли друг другу как неизвестные величины, с которыми действительно нужно быть осторожными и осмотрительными.

Речь идет о мировоззрении, которое содержит чувство реальности, на которое направлен вопрос о детском характере, которое преследует цель развития социального человека и тем самым содействует правильному в целом решению трех важных жизненных вопросов.

Спасение человечества с помощью психологии

Что может сделать индивидуальная психология, чтобы предотвратить упадок культуры, который, по мнению некоторых наиболее видных мыслителей нашего времени, может произойти вследствие переоценки техники в ущерб морали?

Чувство неполноценности и чувство общности

Общепризнано, что контроль человека над силами природы значительно превышает его способность использовать их и что из-за этого нашей цивилизации грозит величайшая опасность. Последняя война⁵ поставила нас перед перспективой возможного научного истребления. Если мир – наш мир – нужно спасать, то очевидно, что человек должен подняться на уровень, на котором он не будет, словно ребенок, играть с заряженным револьвером, подвергаясь постоянной опасности уничтожить себя из-за злоупотребления собственной властью. Сложно увидеть, откуда возьмется это новое воспитание; во всяком случае не из той новой психологии, которая претендует привнести порядок в хаос сил, слепо борющихся в бессознательном человека.

Индивидуальная же психология утверждает, что важнейший ключ к пониманию проблем индивида и масс лежит в чувстве неполноценности или в так называемом комплексе неполноценности и его последствиях. Сегодня это признается верным всеми направлениями психологии и психиатрии. Мы полагаем, что каждый исторический факт, каждая фаза культурного развития представляет собой порой успешную, а порой тщетную попытку устранить чувство неполноценности индивида или группы; наклонности отдельных людей и групп часто свидетельствуют об этом же стремлении.

Согласно индивидуальной психологии, вторым основным принципом, пронизывающим всякое историческое развитие, является чувство общности⁶, присущее каждому человеческому обществу. Степень, в которой это чувство общности развито у человека, определяет не только его желания, но и поступки. То же самое относится к группам.

История судит о человеческих поступках по степени чувства общности, которое в них выражается. Все без исключения такие действия и события признаются как великие и ценные, если они проникнуты чувством общности и содействуют общему благу. Недостаток чувства общности, который всегда можно объяснить усилившимся чувством неполноценности⁷, приводит индивида к неврозу или преступлению и сталкивает группы и нации в пропасть самоуничтожения.

⁵ Имеется в виду Первая мировая война. – *Примечание переводчика.*

⁶ В оригинале: sense of solidarity. В своей работе «Психоанализ и этика» (1912) Карл Фуртмюллер говорит о «своего рода чувстве солидарности» (с. 10).

⁷ В оригинале: sense of inferiority.

Группа и индивид

Мотивы, движущие массами, всегда скрыты, и теми, кого захватил поток масс, они всегда будут восприниматься и истолковываться как проявления их личных потребностей и слабостей. Этому процессу, разумеется, способствует то, что отношение больших групп к жизни едино и что давление комплекса неполноценности группы так или иначе проявляется в каждом индивиде, хотя неодинаково и в отношении разных личных проблем. Я показал в небольшом эссе под названием «Другая сторона: социально-психологический очерк о вине народа»⁸, как из-за империалистических стремлений крупных финансовых сил оказались угнетенными народы других стран. Этот гнет проявился в жизни отдельных людей в трудностях добывания средств к существованию, низких заработках, в недостаточном количестве воспитательных и культурных учреждений, в нежелании молодых людей сочетаться браком, в нежелании состоящих в браке пар иметь детей, в безрадостном существовании, в постоянной раздражительности и нервозности и т. д.

Все эти моменты усиливают чувство неполноценности, служат причиной чрезмерной чувствительности и подстегивают человека искать «решение». Любое вмешательство извне кажется человеку, пребывающему в таком расположении духа, угрозой его безопасности и побуждает его к активной или пассивной самозащите. Молодые люди, убившие австрийского престолонаследника, были не в ладах с собой. Массы, видевшие затем в войне единственный выход, и еще большие массы, принявшие войну как должное, также состояли из людей, которые были не в ладах с собой.

Мотивы ненависти отчетливее всего проявляются в экономических кризисах нашего времени. Классовая борьба ведется массами, которые состоят из людей, чье стремление к внутренне и внешне уравновешенному образу жизни оказалось несбыточным. С другой стороны, эти массовые движения служат причиной возникновения дальнейших разрушительных мотивов у индивида.

Массовые движения всегда твердо и решительно преследуют свои разрушительные цели, поскольку разрушение означает для масс освобождение от обстоятельств, которые воспринимаются как невыносимые, и поэтому кажется им предварительным условием прогресса.

Стремление к власти у масс, равно как и у индивида, является выражением чувства неполноценности, неравноценности. Поэтому массовые движения можно верно понять лишь в перспективе индивидуальной психологии. Она показывает, что стремление кверху, пронизывающее все человечество, имеет свой первоисточник в индивиде. В своей борьбе за большую безопасность человек так или иначе прав, даже если его методы недостаточны.

Так, в женской стрижке под мальчика выражается стремление женщины устранить внешнее различие между собой и мужчиной; в ее основе лежит так называемый «мужской протест» женщин, то есть стремление чувствовать себя равноценными мужчинам и быть с ними на равных. Отдельная женщина может найти веские личные причины для своей стрижки; она может говорить, что стрижка под мальчика избавляет ее от липших хлопот или позволяет выглядеть ей более привлекательной, или она может сослаться на то, «что так делают все», или, быть может, что ей просто хотелось позлить своего мужа: бессознательно она так или иначе следует линии мужского протеста.

⁸ Написано и опубликовано в 1919 году в Вене, издательство Леопольда Хайдриха, 16 с.

Лидерские качества

Если жизненные тенденции человека полностью или почти полностью совпадают с направлением движения масс, если стремления масс воплощаются через него, если он может отдать себя служению смутным и темным желаниям своего народа или своей группы, он является избранным лидером людей. Все великие достижения человечества основываются на социальной гениальности индивидов. Вопросы поколения требуют ответа и находят его в том или ином человеке. В нем повторяется борьба человечества за освобождение, только с большей ясностью и интенсивностью, чем в других людях. Собственно ядро его личности и есть эта борьба, и поэтому ему не могут подойти унаследованные формы жизни. Они узки для него, и он пытается их разрушить. Чтобы приспособиться к жизни, он должен ее переделать. Но он может иметь успех только тогда, когда его стремление совпадает с течением масс, когда оно служит преуспеваю и более высокому развитию группы. Власть индивидуального лидера, «великого человека», ограничена подготовленностью группы, ее способностью к нему присоединиться.

Каким личным требованиям должен отвечать такой лидер? Первым из них является сильно развитое чувство общности. Оптимизм и достаточная уверенность в себе также необходимы. Лидер должен обладать способностью быстро действовать; ему непозволительно быть мечтателем или созерцателем; он обязан уметь легко устанавливать контакты с людьми и обладать достаточным тактом, чтобы не препятствовать согласию других. Его подготовленность и тренированность должны быть выше среднего уровня. Словом, лидер – настоящий человек, обладающий мужеством и умениями. В нем воплощается то, о чем мечтают другие люди.

Все эти требования являются результатом воспитания в родительском доме, в школе и в жизни. Детское воспитание изобилует сегодня многочисленными ошибками. Индивидуальная психология указывает на эти ошибки и предоставляет в распоряжение родителей лучшую систему подготовки детей к жизненной борьбе. Для воспитания как нормальных, так и запущенных и нервных детей она предлагает меры, которые укрепляют чувство общности, противодействуют чувству неполноценности, превращая его в источник усердия и напряжения и, кроме того, придают мужество и делают более закаленными душу и тело.

Может ли индивидуальная психология превратить любого ребенка в лидера? Разумеется, нет. В отличие от всех остальных подходов, мы не претендуем на обладание безупречной техникой тренировки. Но, пожалуй, мы утверждаем, что способны увеличить число тех, кто годится в лидеры, обеспечить всем более благоприятные исходные условия жизненного соперничества и предотвратить ухудшение человеческого материала, которое неизбежно снизило бы уровень всех достижений.

Применения

Индивидуальная психология стремится повысить нормы дееспособности отдельных людей и групп. Мы можем уже сослаться на целый ряд успехов в работе с запущенными, нервными и плохо развитыми детьми в школе и в возвращении большого числа невротиков к нормальной жизни. Повсеместное применение наших воспитательных принципов привело бы за несколько лет к весьма существенным изменениям.

Большинство методов, которые сегодня применяются, чтобы разрешить настоятельные проблемы народов и групп, являются устаревшими и недостаточными. Они нацелены большей частью на то, чтобы разжечь националистические и религиозные страсти, и ведут к угнетению, преследованию и войне. Воспитание, основанное на принципах индивидуальной психологии, устранило бы эти иллюзии эгоизма и глупости и заменило бы их стремлением к всеобщему благу. Индивидуальная психология могла бы с пользой консолидировать все скрытые природные силы масс, подобно тому как она уже сейчас консолидирует такие скрытые силы у индивидов. Война, национальная ненависть и классовая борьба, эти величайшие враги человечества, коренятся в желании сообществ избавиться от угнетающего их чувства неполноценности или его компенсировать. Индивидуальная психология, способная исцелить индивидов от печальных последствий этого чувства неполноценности, могла бы развиваться в мощнейший инструмент для избавления наций и групп от угрозы развития их коллективных комплексов неполноценности.

Все, что я говорил о ненависти и ревности у наций и групп, относится также к ожесточенной борьбе между полами, борьбе, отравляющей любовь и брак и все снова и снова возникающей из-за неуважения женщины. Идеализированный образ переоцениваемой мужественности заставляет и юношу, и взрослого мужчину демонстрировать свое превосходство над женщиной, даже если он ее ни в чем не превосходит. Это заставляет его быть недоверчивым к самому себе, завышать свои требования к жизни и свои ожидания от нее, и это усиливает его чувство неуверенности. С другой стороны, уже в детстве девочка ощущает, что ее ценят меньше, чем мальчика, и это может либо побудить ее к тому, чтобы компенсировать свою недостаточность чрезмерным напряжением и по всему фронту бороться с действительным или мнимым пренебрежением, либо привести к тому, что она смиритса со своей мнимой неполноценностью.

В такой духовной атмосфере невозможно найти удовлетворительного решения проблем любви и брака. Кроме того, достижения женщин часто не соответствуют уровню их собственных возможностей, поскольку под давлением традиции и предубеждения женщины склонны себя недооценивать.

К сожалению, эта традиция и это предубеждение настолько глубоко укоренены в сознании обоих полов, что потребуются по меньшей мере два поколения, прежде чем они окончательно и бесповоротно будут ликвидированы. И в этой области индивидуальная психология также доказала свою эффективность и умение добиваться успехов.

Успехи индивидуальной психологии

I

Входе исследований, проведенных за последние годы, мы все более оттачивали наши идеи, которые теперь должны быть подвергнуты дополнительной проверке и представлены на суд общественности. Это прежде всего касается основного положения индивидуальной психологии: те силы и феномены, которые можно обнаружить в душевной жизни, например экспериментально или аналитически, не позволяют понять человека. Индивид может использовать их по-разному или не использовать вовсе. Мы полагаем, что другие направления в психологии и человекознании в лучшем случае позволяют нам что-то узнать о существующих силах, но не об их использовании, форме применения и тем более о направлении. Однако душевная жизнь есть не бытие, а долженствование. В результате такого принуждения и направленности на цель всю душевную жизнь пронизывает стремление вперед, и в этом потоке событий моделируются, приобретают свою форму и направление все без исключения психические силы и категории.

Формирование душевной жизни человека осуществляется при помощи фиктивной телеологии, благодаря постановке цели, под давлением телеологической апперцепции, и поэтому в конце концов оказывается, что во всех психических проявлениях мы обнаруживаем характер целеустремленности, в соответствии с которым упорядочиваются все силы, инстанции, переживания, желания и опасения, дефекты и способности. Из этого следует, что подлинного понимания душевного феномена или человека можно достичь только в результате телеологически обоснованного рассмотрения взаимосвязей.

Из этого также следует, что каждый индивид воспринимает события и ведет себя в соответствии со своей индивидуальной телеологией, которая действует словно фатум, пока она остается для него непонятной. Ее истоки уводят в раннее детство, и почти всегда оказывается, что на нее неправильно повлияли физические и психические затруднения, выгоды и невзгоды первых ситуаций детства.

Благодаря такому подходу значение причинности для понимания психического события настолько ограничивается, что, хотя мы и можем ее предполагать, но не можем считать достаточной для разрешения душевной загадки и уж тем более для предсказания психической установки.

Таким образом, цель душевной жизни человека становится дирижером, *causa finalis*⁹, и вовлекает все душевные проявления в поток психического события. В этом корень единства личности, индивидуальности. Ее силы – в аспекте того, на что они направлены и к чему сводятся, а не в аспекте того, откуда они взялись и как возникли, – и определяют ее своеобразие. Поясним это следующим примером. Сорокалетний чиновник с детства страдает навязчивыми импульсами. Время от времени он вынужден с крайней педантичностью подробно записывать на листке бумаги все мелкие задачи, которые он сам себе ставит. При этом он обнаруживает скрытое чувство удовольствия, которое не может себе объяснить. Но вскоре оно гасится сильным чувством сожаления по поводу того, что он мог позволить себе тратить попусту время на такие вещи. Теперь он винит себя в том, что такими задержками он препятствовал своему преуспеванию в жизни. Некоторое время спустя повторяется та же игра.

В соответствии с накопленным индивидуальной психологией опытом подобные загадки вполне разрешимы. Мы видим, что этот человек вместо того, чтобы на пути к общности

⁹ Конечная причина (лат.). – Примечание переводчика.

заниматься решением проблем, впутывается в непонятные затруднения. Но в данном случае он словно дезертир избегает решения стоящих перед ним общественно необходимых задач. Его чувства вины, далекие от того, чтобы улучшить положение – свое и своего окружения, – исправить прежние ошибки, только ухудшают ситуацию, поскольку еще более отвлекают его от работы, то есть являются очередными способами дезертирства. Наконец, его волнения и жалоба по поводу того, что болезнь препятствует его карьере, не нуждаются в объяснении, поскольку они равносильны утверждению: «Чего бы только я ни достиг, не будь у меня этого недуга!»

Мы видим аранжировку дополнительного театра военных действий, цель которой состоит в том, чтобы исключить основной театр военных действий. И все сопутствующие психические явления – принуждение, чувства удовольствия, чувства вины, логика и образ жизни, – насмехаясь над любыми интерпретациями их происхождения и первоначального значения, служат исключительно одной задаче: в наступательном марше жизни уклониться от решения реальных вопросов, установить по отношению к ним надежную дистанцию и создать видимость утешительного резерва: «Чего бы только я ни достиг, если бы не...»

Невроз и психоз суть формы выражения для малодушных людей. Кому открылось это индивидуально-психологическое знание, тот, пожалуй, откажется предпринимать с малодушными людьми длительные экскурсии в таинственные сферы психики. Даже в целом правильные предположения о первичном психическом событии всегда будут только желанным предлогом, чтобы отстраниться от жизненно важных вопросов. Единственное, что может здесь оказаться эффективным и принести пользу, как при суггестивной и гипнотической терапии, – это ободрение, которое непонятным образом (бессознательно?) проистекает из гуманного, терпеливого обращения врача с пациентом.

Этой формы частичного ободрения бывает достаточно только в самых редких случаях, и ее отнюдь нельзя отождествлять с нашим методом, который делает человека независимым и самостоятельным, устраняя действительные причины малодушия.

Значит ли это, что индивидуальная психология также придает значение причинам психического явления? Пожалуй, только тем, которые относятся к основному феномену, подлежащему устранению, но не тем, которые в качестве средства выражения малодушия всякий раз используются в своих целях, всегда, пока сохраняется малодушие, находятся на своем месте или могут быть заменены другими.

Следовательно, если говорить о причинах малодушия, то они всегда ошибочны! Абсолютно достаточной причины для малодушия не существует! Только это заблуждение дает нам право браться за радикальную терапию неврозов. В приведенном выше случае высокомерный, властолюбивый отец уже в детстве подавлял юношу и систематически лишал его надежды на преуспевание в жизни. Возможно, мне возразят: неужели любого ребенка можно сделать малодушным? Ныне я считаю способным на это искусство любого воспитателя при воспитании любого ребенка, особенно потому, что все человечество склонно к малодушию. Правда, силы, которые расходятся в каждом случае, различны – этому могут способствовать телесная неполноценность и препятствовать благоприятные условия. Как бы то ни было, цель данного ребенка состояла в том, чтобы превзойти отца. Поскольку он не был способен на это в открытой борьбе, он принялся спасать видимость превосходства, стал искать обходные пути и нашел выход и смягчающие обстоятельства в своем неврозе навязчивости.

Кто же настоящий дирижер, который, наверное, только там, где это его устраивает, выдвигает не естественные (самосохранение, утоление голода, любовь, получение удовольствия), а другие цели и иногда их подменяет? Который во всех феноменах играет свою игру, подчиняет себе и заставляет себе служить все формы выражения, психические и физические? Сколько их? Один или несколько? Разве возможно, чтобы индивид, то есть неделимое существо, которое мы воспринимаем и понимаем как целостность и в отношении которого мы можем пред-

сказать – а это и есть единственный критерий понимания, – как он поведет себя в определенной ситуации, стремился к нескольким целям? Этого мы никогда не встречали. Но как быть с *double vie*, амбивалентностью? Разве нельзя здесь увидеть две цели? Колебание, сомнение?

Стремление к самоутверждению, в общем значении воля, всегда указывает на то, что во всем душевном событии существует движение, которое начинается с чувства неполноценности, с целью достичь высот. Индивидуально-психологическая теория психической компенсации утверждает: чем сильнее чувство неполноценности, тем выше цель личной власти.

Но если стремление к самоутверждению с его целью достижения превосходства и есть та сила, которая управляет всеми побуждениями людей, то тогда мы не можем считать его несущественным фактором. Тогда оно связано со всей нашей жизнью, тогда оно представляет собой стремление к жизни и к смерти. И действительно: оно способно разрушить или устранить наше влечение к самосохранению, наше стремление к удовольствию, наше чувство реальности, наши моральные чувства. Оно находит способ заявить о себе в самоубийстве, оно управляет нашими дружескими и любовными чувствами, оно позволяет нам переносить голод и жажду и доставляет нам боль, горе, муки на пути достижения нашего триумфа. Чем бы ни наслаждался человек, что бы он ни чувствовал и ни делал, он не может воспринимать это беспристрастно. «Ты менее Макбета, но и больше... Без счастья, но счастливее его», – поют ведьмы в «Макбете». «Разум хитер», – заявляет Гегель. Как-то Сократ, увидев одного софиста в дырявом плаще, сказал ему: «Юноша из Афин, из дыр твоего плаща глядит тщеславие». Скромность и тщеславие одновременно! Есть ли здесь честная амбивалентность? И разве это не уловка – ехать на двух лошадях, а не на одной, блистать также и скромностью? В *double vie* поддерживаются обе роли, чтобы помочь достигнуть превосходства. Это подобно тому как биржевой игрок в зависимости от обстоятельств ставит то на повышение, то на понижение – в обоих случаях, чтобы добыть денег, то есть власть. Так, однажды богатый пожилой бизнесмен на мой вопрос, почему он хочет заработать еще больше, если он и так может купить все, ответил: «Знаете ли, это власть, власть над другими!»

Как психолог я мог бы пойти и другим путем. Я мог бы исследовать психологические корни того, почему тот софист предпочел для демонстрации своей скромности порванный плащ. Но тогда я бы сошел на желанную для софиста побочную колею. Я бы упустил из виду его тщеславие. Скорее, я должен выяснить, откуда происходит его тщеславие.

Ведет ли он себя при этом в соответствии с идеалом отца, пряча себя в лохмотья, или в соответствии с так называемым «эдиповым комплексом», или, быть может, в обоих смыслах или ни в одном из этих направлений, – пожалуй, не имеет значения. Известные факты, что кто-то подражает отцу или ему противодействует, в результате такого мистифицирующего объяснения также не дают нам ничего нового.

Здесь добавляется наше понимание психологической структуры сомнения. Ведь и при сомнении существуют, например, не две разные цели, а одна-единственная: застой! Это же стремление к превосходству присутствует во всех так называемых нервных симптомах. Словно скрытое тормозное устройство, вмешиваются они в поступательное движение, переводят его на запасный путь и препятствуют исполнению совершенно очевидных требований.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.